

Томас Пинчон

Энтропия

Томас Пинчон

Энтропия

«Public Domain»

Пинчон Т. Р.

Энтропия / Т. Р. Пинчон — «Public Domain»,

Томас Пинчон

Энтропия

Борис только что изложил мне свою точку зрения. Он – предсказатель погоды. Погода будет такой же плохой, говорит он. Будет еще больше потрясений, еще больше смертей, еще больше отчаяния. Ни малейшего признака перемен... Нам надо идти в ногу, равняя шаг, по дороге в тюрьму смерти. Побег невозможен. Погода не переменится.

Генри Миллер, «Тропик Рака»

Этажом ниже Митболл Маллиган съезжал с квартиры; пьянка длилась уже сороковой час. На кухонном полу, среди груды пустых бутылок из-под шампанского, Шандор Рохас с тремя дружками резались в покер и запивали бензедрин «Хейдсеком», чтобы спастись от сна. В гостиной Дюк, Винсент, Кринкл и Пако, склонившись над засунутым в корзину для бумаг пятнадцатидюймовым усилителем, внимали двадцатисемиваттному звучанию «Богатырских ворот в Киеве». Все они носили темные очки в роговой оправе и с блаженным выражением на лице курили престранные папироски, содержавшие вовсе не табак, как вы могли бы подумать, а фальсифицированную разновидность *cannabis sativa*. Это был квартет Дюка ди Анхелиса. Они записывались на местной студии «Тамбу» и имели на своем счету только лонгплей «Песни извне». Время от времени кто-нибудь смахивал пепел прямо на динамик, чтобы посмотреть, как частички гари танцуют в воздухе. Сам Митболл спал у окна, прижимая к груди, словно плюшевого медвежонка, пустой двухлитровый пузырь. Несколько девушек – то ли секретарш из Госдепартамента, то ли референток из АНБ – в полном отрубле лежали на кушетках и креслах; одна из них предпочла ванну.

Это было начало февраля 1957 года, когда в Вашингтоне ошивалось множество потенциальных эмигрантов, норовивших при встрече рассказать, как в один прекрасный день они отправятся в Европу, чтобы заняться настоящим делом, но сейчас, судя по всему, перебивавшихся на обычной госслужбе. Все они относились к своему положению с легкой иронией. Например, они устраивали вечеринки для полиглотов, где новичка просто игнорировали, если он был не в состоянии поддерживать разговор одновременно на трех-четырёх языках. Они могли неделями торчать в армянских закусных и вдобавок зазывали вас отведать булгур с ягненком на крошечных кухоньках, увешанных афишами боев быков. Они крутили романы со знойными девушками из Андалусии или Южной Франции, изучавшими в Джорджтауне экономику. У них было свое «капище» на Висконсин авеню – университетский погребок «Старый Гейдельберг»; и пусть весной вокруг вместо лип цвели вишни, но и в этом полусне им порой удавалось, как они выражались, словить кайф.

К этому моменту Митболлова вечеринка должна была вот-вот обрести второе дыхание. За окном шел дождь. Вода журчала по толю крыши и, разбиваясь мелкими брызгами об носы, лбы и губы деревянных горгулий, слюной стекала по оконным стеклам. Накануне шел снег, а за день до того дул штормовой ветер, а еще раньше – город сверкал под солнцем, как в апреле, хотя на календаре было начало февраля. Странная это пора в Вашингтоне, псевдовесна. Тут тебе и день рождения Линкольна, и китайский Новый год, и сиротский сквознячок на улице: вишни расцветут еще не скоро, и, как поет Сара Воан, весна, наверное, немного запоздает. Обычно компании, подобные той, что собираются будними днями в «Старом Гейдельберге» выпить вюрцбургского и спеть «Лили Марлен» (не говоря уже о «Душечке Сигме Кси»), неизбежно и неисправимо романтичны. А каждому настоящему романтику известно, что душа (*spiritus, ruach, pneuma*) не что иное, как воздух; всего лишь природная субстанция, которая клубится в атмосфере – для того чтобы аккумулироваться при вдохе. Так что климат вмещи-

ваются не только в общественные дела – праздники или туристские развлечения, – но и в частные, словно эта пора составляет в фуге года *стретто*: непредсказуемая погода, бесцельные любви, бездумные обещания; и эти месяцы пробегают как во сне, тем более что позже, как ни странно, ветры, дожди, страсти февраля и марта никогда не вспоминаются в этом городе, как будто их и вовсе не было.

Последние басовые ноты «Богатырских ворот», пробившись сквозь перекрытия, пробудили Каллисто от его беспокойного сна. Он все еще держал в ладонях птичку, прижимая ее к своей груди. Улыбнувшись вжатой в перья голубой головке и усталым выпуклым глазам, Каллисто подумал о том, сколько ночей ему еще предстоит отдавать ей свое тепло – до полного выздоровления. Он провел так уже три дня: это был единственный известный ему способ лечения. Лежащая рядом с ним девушка шевельнулась и, закрыв лицо руками, заскулила. Перекликаясь со звуками дождя, донеслись первые нерешительные и ворчливые утренние голоса других птиц, прятавшихся в кроне филодендронов и веерных пальм: алые, желтые и голубые пятна, вплетенные в руссоистскую фантазию оранжерейных джунглей, поглотивших семь лет его жизни. Герметично закупоренная оранжерея была крошечным островком порядка в городском хаосе, чуждым капризам погоды, государственной политике и всяким гражданским волнениям. Методом проб и ошибок Каллисто добился экологического равновесия, а девушка помогла ему достичь художественной гармонии, так что колыхание растений, движения пернатых и двуногих обитателей сливались в едином ритме, как части превосходно отлаженного мобиля. Конечно, опасаясь за целостность своего убежища, они с девушкой больше не покидали оранжерею. Все необходимое им доставляли прямо сюда. Сами они не выходили наружу.

– Как она там? – прошептала девушка.

Она лежала как рыжевато-коричневый вопросительный знак, глядя на него своими неожиданно большими и темными, медленно моргающими глазами. Каллисто дотронулся пальцем до перышек у основания птичьей шеи и мягко их погладил:

– Я думаю, идет на поправку. Гляди, заметила, что ее друзья просыпаются.

Еще в полусне девушка различала звуки дождя и птичьего голоса. Ее звали Обад; полуфранцуженка-полуаннамитка, она жила в своем странном и одиноком мире, где облака, аромат цезальпинии, горечь вина, случайные щекочущие прикосновения к коже неизбежно воспринимались подобно звукам – звукам музыки, периодически прорывающимся сквозь ревушую тьму диссонансов.

– Обад, – сказал он, – пойди посмотри.

Она покорно поднялась, добрела до окна, раздвинула занавески и, чуть помедлив, сказала:

– 37. Все еще 37.

Каллисто нахмурился.

– Со вторника, – сказал он. – Никаких изменений.

Три поколения назад Генри Адамс в ужасе смотрел на Силу; Каллисто испытывал то же по отношению к Термодинамике, внутренней жизни силы, осознавая, подобно своему предшественнику, что Святая Дева и динамо-машина олицетворяют собой как любовь, так и силу; что обе они есть одно; и что, следовательно, любовь не только движет солнце и светила, но также заставляет вращаться юлу и прецессировать туманности. Собственно, последний, космический, аспект и беспокоил Каллисто. Как известно, космологи предсказывают тепловую смерть вселенной (что-то вроде Лимба: форма и движение исчезают, тепловая энергия выравнивается во всем пространстве); хотя метеорологи изо дня в день разбивают их доводы утешительным разнообразием сменяющихся друг друга температур.

Но вот уже три дня как, несмотря на изменчивую погоду, ртуть застыла на тридцати семи по Фаренгейту. Видя в этом предзнаменование скорого апокалипсиса, Каллисто погладил

птичьего перья. Его пальцы сильнее сдавили птицу, словно он хотел получить пульсирующее, болезненное подтверждение приближающегося выравнивания температур.

Заключительный ляг ударных сделал свое дело. Митболл с содроганием пробудился, в тот самый момент, когда синхронное качание голов над корзиной прекратилось. Несколько секунд было слышно растворявшееся в шепоте дождя шипение пластинки.

– Аааррр, – объявил в тишине Митболл, с тоской глядя на пустую бутылку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.